

ПРОТЕСТАНТИЗМЪ И ПРАВОСЛАВІЕ.

(Рѣчь, произнесенная на сѣздѣ христіанскихъ студенческихъ движеній въ Православныхъ Балканскихъ странахъ въ маѣ 1926 г. въ Банѣ Костенедѣ — Болгарія).

Я хочу поставить передъ вами вопросъ необычайной важности. Я хочу говорить вамъ о встрѣчѣ Православія съ западнымъ протестантскимъ міромъ. Мы здѣсь представители этихъ двухъ міровъ стоимъ другъ передъ другомъ. Что мы представляемъ изъ себя? Что мы можемъ другъ другу дать? Какой смыслъ въ нашей встрѣчѣ? Что ждетъ отъ нея Богъ?

Только четыре года я работаю среди православныхъ студентовъ и я слишкомъ мало знаю Православіе, чтобы чувствовать себя готовымъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

Но если я все-таки имѣю смѣлость здѣсь свидѣтельствовать передъ вами, то это оттого, что вы знаете такъ-же хорошо, какъ я, что этотъ вопросъ не относится къ тѣмъ, которые рѣшаются образованіемъ, разумомъ, научными изслѣдованіями.

Этотъ вопросъ ставится и рѣшается въ томъ порядкѣ, который Паскаль назвалъ порядкомъ сердца. И вотъ въ порядкѣ сердца — я хочу говорить вамъ о немъ.

Повѣрьте мнѣ, не какъ люди, здоровые, пресыщенные и удовлетворенные, — не какъ личности, сознающія свою силу, и твердость своего положенія — не самодовольными приходимъ мы къ вамъ — западные христіане-протестанты. Нѣтъ, мы приходимъ къ вамъ теперь послѣ всего, что пережили, какъ люди серьезно больные, глубоко раненые, охваченные тоской.

Мы приносимъ вамъ все страданіе, всю тревогу нашего христіанскаго міра, разорваннаго и потерявшаго свою цѣльность.

Никогда, можетъ-быть, отъ начала всей христіанской эры таинственная риза Христа не была такъ ужасающе раздираема. Никогда, можетъ-быть люди такъ не отрекались отъ Христа. Никогда, можетъ-быть Христосъ такъ снова не распинался нами, какъ теперь — сынами старыхъ христіанскихъ народовъ.

Охваченные тоской и раненые — мы приходимъ къ вамъ. Вся эта тоска, всѣ эти раны — вы видите — онѣ намъ даны Богомъ. Онъ насъ судить, давая ихъ намъ. И въ своемъ судѣ — Онъ намъ ставитъ вопросъ. Даже, когда мы такъ далеко отпали отъ Него, — Онъ не оставляетъ насъ. Въ Своемъ невыразимомъ одиночествѣ, несмотря на все наше паденіе, Онъ насъ зоветъ. И что мы отвѣтимъ Ему?

Но вы видите Онъ еще большее далъ намъ въ своемъ милосердіи. Онъ далъ намъ христіанамъ православнымъ и христіанамъ протестантамъ встрѣтиться такъ, какъ можетъ-быть, мы никогда не встрѣчались въ исторіи.

Повѣрьте, что Онъ послалъ эту встрѣчу, чтобы вопросъ, который Онъ ставитъ намъ — людямъ запада, — былъ такъ-же поставленъ вамъ — христіанамъ восточной церкви. Мы вамъ говоримъ: вотъ наши мученія, вотъ наша тяжесть, вотъ наши раны. Мы все приносимъ вамъ, даже самое тяжелое, даже раздѣленіе церкви. Хотите ли вы намъ помочь? Мы васъ умоляемъ во имя Того, кто понесъ на Себѣ всѣ наши немощи. Мы вамъ говоримъ: вотъ наши грѣхи, вотъ наши болѣзни. Хотите-ли вы, отвѣ-

чать Богу вмѣстѣ съ нами? Хотите-ли вы принести вмѣстѣ съ нами покаяніе смирен-но и братски?

Какой смыслъ нашей встрѣчи? Неужели это простой обмѣнъ учтивыхъ привѣтствій? Неужели всѣ сказанныя здѣсь слова объ уваженіи къ свободѣ и достоинству другъ друга — только благочестивый обманъ? И что такое наша встрѣча, просто-ли человѣчески душевная или это духовная встрѣча — встрѣча подъ крестомъ и въ свѣтѣ Воскресенія.

Сегодня говорилось о духовной красотѣ и благородствѣ встрѣчи въ свободѣ и взаимномъ уваженіи нашихъ религіозныхъ судебъ. Но, вы видите, еще большаго хочетъ отъ насъ Богъ. Богъ хочетъ, чтобы мы встрѣтились въ любви. Только если мы встрѣтимся въ любви — только тогда мы встрѣтимся реально въ свободѣ. Потому что тайной истиннаго уваженія обладаетъ только любовь.

Вы видите теперь отчего мы васъ просимъ раздѣлить наши тяжести. Слушайте внимательно и въ нашей мольбѣ — вы услышите Бога, который васъ спрашиваетъ и васъ зоветъ. И передъ нами, такъ приходящими къ вамъ и передъ Богомъ, зовущимъ васъ къ духовному общенію съ нами въ свободѣ и любви, — вы не сможете просто отвѣтить: «Въ нашей церкви мы имѣемъ всю полноту жизни во Христѣ, и мы несемъ наши грѣхи и наши тяжести духовно здоровыми, потому что питаемся сокровищами нашей церкви». Если вы такъ увѣрены, что обладаете всей полнотой — это можетъ быть извѣстнымъ только Богу, — если вы признаете ваши богатства — то вы не останетесь замкнутыми въ себѣ, вы не будете такъ жестоки, чтобы закрыть двери вашей церкви передъ нами. Богъ вамъ далъ эти богатства, чтобы вы ихъ раздѣлили съ нами? Если Богъ васъ такъ благословилъ и такъ переполнилъ — вы не сможете не придти къ намъ — не открыть намъ всего, что вамъ дано. Хотите-ли вы намъ помочь? Вы видите, мы не о маломъ васъ просимъ. Мы пришли сюда, не о маломъ васъ просить. Такъ великъ этотъ часъ для христіанства, что мы васъ просимъ о самомъ большемъ, о чемъ христіанинъ можетъ просить другого. Хотите-ли вы, готовы-ли вы страдать нашими страданіями, дѣлать наши тяжести, исповѣдываться въ нашихъ грѣхахъ. И въ самомъ главномъ — въ томъ, что мы раздѣлились другъ отъ друга, что мы раздраемъ Тѣло Христово, что Его Вселенская церковь раздѣлена. Вотъ мольба, которую мы къ

вамъ обращаемъ во имя Того, кого исповѣдуемъ и кому поклоняемся мы всѣ и кто соединяетъ насъ и въ нашихъ раздѣленіяхъ.

Мы васъ умоляемъ не поддаваться грѣху ревнивой и гордой любви. Мы слишкомъ хорошо знаемъ, что среди вашихъ братьевъ есть такіе, которые хотятъ лишь для себя довольствоваться своей церковью. Изъ страха потерять чистоту своей вѣры они обособляются, становятся недоувѣрчивыми и враждебными ко всему, что имъ кажется чуждымъ. Вмѣсто того, чтобы воспламеняться любовью безъ границъ отъ любви безъ границъ Христа — они начинаютъ любить такъ исключительно свою церковь, что относятся подозрительно и враждебно ко всему остальному христіанству.

Мы, входя съ нашей грѣховной природой въ церковь, составляемъ то, что есть плотскаго и земнаго въ ней. И мы тоже призваны къ жертвѣ любви. Мы тоже должны, какъ и вся церковь, умереть, чтобы воскреснуть. Мы должны отдать себя Богу, забыть себя въ Немъ, — чтобы себя найти въ Богѣ. Чтобы быть искупленными мы должны себя потерять. Это та цѣна, которую мы должны заплатить, чтобы быть преобразенными во Христѣ. Это та цѣна, которую земная церковь должна заплатить. Если мы поистинѣ здѣсь составляемъ мистическое тѣло Христа, то мы должны умереть, какъ умеръ Глава чтобы воскреснуть съ Нимъ. Мистическое тѣло Христа живетъ только тогда, если умереть, чтобы воскреснуть. Такъ и только такъ церковь становится сіяющей въ радости — любящей безъ границъ, но истинѣ Вселенской.

Повѣрьте, мы не были-бы здѣсь вмѣстѣ, если бы не знали, что вы способны, что вы готовы принести эту жертву. И разъ мы вошли въ такое духовное общеніе, — мы можемъ себя спросить, что мы дадимъ другъ другу, что мы значимъ другъ для друга?

Вы можете принести только то, что вамъ Богъ самъ далъ — Христа, живущаго въ вашей церкви и всю духовную полноту, которая содержится въ ней, которая принадлежитъ только Ему Одному, которая живетъ въ вашемъ Священномъ Преданіи, въ вашихъ молитвахъ, въ вашей литургіи, въ вашихъ иконахъ, въ вашихъ таинствахъ, въ вашихъ святыхъ, въ вашихъ мученикахъ, въ вашихъ исповѣдникахъ вѣры, въ вашихъ мистикахъ, въ вашихъ монастыряхъ.

Въ церкви всегда живутъ два начала: слово и образъ. Слово есть зовъ Бога въ

каждый моментъ — къ каждому человѣку, къ каждому народу. Слово есть Пророчество живущее въ церкви. Оно есть «his et nunc» Бога черезъ всю исторію, черезъ весь міръ. Это «да» Бога и «нѣтъ» Бога. Это видѣніе того Креста, который каждая личность, каждая эпоха, каждый народъ призванъ нести. Слово колеблеть прочность нашей привычной комфортабельной жизни — оно срываетъ пелену благополучія и довольства застилающую подлинную природу вещей. Слово — молнія, потрясающая уютъ нашихъ человѣческихъ жилищъ и вдругъ ослѣпительно открывающая намъ небо. Слово надъ всѣмъ въ нашей жизни ставить вопросъ. Оно открываетъ внезапно и трепетно для cadaго изъ насъ, въ данный моментъ великую трагедію спасенія, которая вѣчно происходитъ между Богомъ и человѣкомъ. Слово это Богъ въ дѣйствіи — черезъ Него Богъ намъ объявляетъ наше спасеніе. Слово это скорбь по Богѣ, пробуждающаяся въ насъ. Слово это вопросъ Бога, который Онъ намъ ставить и отвѣтъ уже заключенный въ немъ.

— Но Богъ вѣченъ. Его миру не будетъ конца. Его истина пребываетъ неизмѣнной отъ начала. И образъ вѣчныхъ вещей намъ необходимъ — образъ вещей, неизмѣнныхъ въ Богѣ. Образъ всего, что есть въ третьемъ измѣреніи, измѣреніи, въ которомъ находится Богъ и все Его твореніе. Въ образахъ и символахъ церкви невидимый міръ Бога намъ становится видимъ. Вся іерархія духовныхъ реальностей является намъ. Образъ это божественный «stasis», Слово — божественный «dynamis».

Въ прекрасномъ ритмѣ церковный годъ намъ раскрываетъ образы духовнаго міра: многообразіе ликовъ святости, твореніе, судьба творенія исполняющаяся черезъ Божию Матерь, Благовѣщеніе Рождество Христово, Его Страсти, Голгофа, Воскресеніе и Вознесеніе; Духъ Святой, сходящій на Апостоловъ и устрояющій церковь въ Пятидесятницу. И въ центрѣ всего Евхаристія — Богъ въ Своей безконечной любви, жертвующій Себя намъ, чтобы воскреснуть въ насъ.

Въ иконопочитаніи, въ жизни литургіи и въ таинствахъ ваша церковь какъ ни одна другая сохраняетъ тайну искупленія черезъ воплощеніе. Потому что — въ итогъ — въ образахъ и символахъ церкви — скудные и немощныя вещи міра сего: хлѣбъ и вино, камни, краски, человѣческой голосъ становятся носителями вещей невидимыхъ и божественныхъ. Онѣ полу-

чаютъ иной смыслъ, ничего общаго не имѣющей съ ихъ предназначеніемъ въ этомъ мірѣ — онѣ получаютъ божественный смыслъ. И такъ во видимой церкви — въ ея символахъ и образахъ происходитъ чудесное воплощеніе и преображеніе вещей міра сего. Образы существуютъ тамъ, гдѣ встрѣчаются два міра: міръ здѣшній и видимый, и міръ невидимый и божественный. И черезъ образы и символы здѣсь воплощаются божественныя реальности. Христосъ, Слово Бога принявшее человѣческое естество, не раскрываетъ ли оно намъ несказанную Славу, къ которой призываетъ насъ Богъ, въ которой Онъ всяческая во всемъ? Не есть-ли въ этомъ главное основаніе нашей вѣры?

— И ни одна церковь такъ не велика, какъ ваша въ почитаніи тайны Воплощенія, Христа распятаго и воскресшаго — Богочеловѣка.

Мы протестанты сдѣлавшіеся во имя евангельской чистоты иконоборцами, ставимъ слишкомъ часто наше оправданіе вѣрой выше тайны воплощенія. Для чистоты нашей совѣсти мы разбили символы, слова, ставшаго Плотью — тайну Боговоплощенія, которое есть вся чистота и вся полнота.

Мы были велики въ нашей вѣрѣ и пламенны въ нашемъ пророческомъ духѣ, и внутренней миссіи, въ нашей общественной жизни и проповѣди. Но слишкомъ часто и въ трагическомъ итогѣ отвлеченно-духовнаго пониманія евангелія мы теряли положеніе смиреннаго стоянія передъ Богомъ и Христомъ и чувство реальности Святой Троицы. И когда мы удалились отъ истиннаго почитанія божественныхъ образовъ, живущихъ въ литургіи, и таинственнаго Богообщенія въ свхаристіи, — то мы потеряли единственное оправданіе, которое безусловно передъ Богомъ, которое выше даже оправданія вѣрой и дѣлами — оправданіе и спасеніе черезъ реальное присутствіе Христа, живущаго въ насъ. Такимъ образомъ удалившись отъ тайны воплощенія, — мы потеряли смыслъ видимой церкви, видимаго тѣла, въ которомъ полнота и божественная благодать.

Теперь протестантизмъ пробуждается. Онъ хочетъ выйти изъ трагическаго тупика. Кто посмѣетъ его осудить за то, что онъ страстно возсталъ четыреста лѣтъ назадъ за чистоту Евангелія. То, что произошло тогда, — больше, чѣмъ мы. Не намъ бросать напрасныя и гордыя осужденія. Что-то, что произошло, въ реформации, было во имя Бога. Но дѣйствіе,

начатое во имя Бога, зашло слишкомъ далеко, подъ вліяніемъ человѣческихъ страстей. И теперь мы несемъ на себѣ всѣ раны и всѣ послѣдствія. Мы инвалиды, но когда мы сознаемъ это, мы инвалиды увѣнчанные славой.

И вы христіане восточной церкви, вы хорошо знаете, что въ историческомъ планѣ ваша церковь была часто настолько исполнена Богопочитанія, что забывала о духѣ пророчества. Она чтитъ Слово Божіе въ ущербъ его проповѣди и погружаясь въ неизреченную тайну Богослуженія, теряла пафосъ апостольства.

Теперь Православная церковь особенно русская, пробуждается. — Пробуждается заснувшее слово. И передъ лицомъ войны и революціи снова вѣетъ пророческій духъ. Раскрываются творческія силы к лира и вѣрныхъ. Возрождается жизнь въ приходахъ и возникаютъ религіозныя движенія.

Жажда пророческаго духа и движенія церковнаго народа существовали всегда. Но послѣднія 100 лѣтъ казалось онѣ проявляются внѣ церкви. Теперь они снова возвращаются въ церковь. И церковь снова получаетъ святую полноту слова и образа, «*hic et nunc*» и вѣчность — одно дополняющее другое.

Это движеніе русскихъ студентовъ, о которомъ вы слышали, что оно, какъ ни слабый знакъ чудеснаго возрожденія слова. Русская интеллигенція, вернувшись въ церковь къ вѣчнымъ образамъ, пре-

бывающимъ въ ней, какъ будто снова обрѣтаетъ значеніе слова.

— Здѣсь я вижу чудесное благословеніе нашей встрѣчи. Вы нуждаетесь въ динамикѣ слова, у насъ такая жажда войти и стоять въ тишинѣ въ видимой церкви Христа въ литургіи и таинствахъ. И, помогая вамъ въ вашихъ студенческихъ движеніяхъ, движеніяхъ мірянъ, въ которыхъ идетъ миссіонерская и общественная работа, которые захвачены изученіемъ священныхъ Писанія и Преданія, въ которыхъ сердце открыто духу пророчества, открыть «*hic et nunc*» Христа для нашего времени и для нашего отечества и которые черпаютъ силу для всего этого въ стояннй передъ Богомъ, мы получаемъ гораздо больше, чѣмъ можемъ дать, — мы получаемъ отъ васъ новое вѣдѣніе цѣльности и полноты открывающейся во Христѣ и живущей въ литургіи и таинствахъ вашей церкви. И это взаимное прониканіе, укрѣпляющее духовное возрожденіе въ Православной церкви, освѣщающее путь многимъ современнымъ протестантскимъ движеніямъ — и могущее повести церковь Православную и Протестантскую къ цѣлостному сочетанію Слова и Образа — не есть-ли это дѣло Божіе, превышающее наши силы?

И мы благодаримъ Бога, что Онъ даетъ намъ возможность дѣлиться нашими слабыми силами и просимъ Его благословить и дальше наши усилія.

Г. Г. Кульманъ.